

Научная статья

УДК 327.7:343.33

doi 10.46741/2686-9764.2023.63.3.004

Запрет пропаганды войны в международном и российском праве

РАЗИЯ БАШИРОВА ДЗЕЙТОВААналитический центр уголовного права и криминологии, Москва, Россия, razi.dzeitova@bk.ru, <https://orcid.org/0009-0002-7083-9955>

Реферат

Введение: в статье исследуются содержание международного запрета на пропаганду войны, порядок закрепления запрета в российском праве, а также несовершенство уголовного законодательства, устанавливающего ответственность за публичные призывы к развязыванию агрессивной войны. *Цель:* проанализировать историю становления международного запрета на пропаганду войны и его содержание, сравнить с регулированием данного запрета в российском праве, в частности в уголовном законодательстве, и предложить направления совершенствования последнего. *Методы:* для решения поставленных задач были использованы исторический, системный, сравнительно-правовой и формально-юридический методы. *Результаты:* в статье показана работа международных конференций по унификации уголовного права, начавших свою деятельность в первой половине XX в., и Лиги Наций, которая завершилась принятием важного международного документа в области запрета на пропаганду войны в мирное время – Международной конвенции об использовании радиовещания в интересах мира 1936 г. Окончательно запрет на пропаганду войны был закреплен после создания Организации Объединенных Наций в разработанном Комитетом по правам человека Международном пакте о гражданских и политических правах 1966 г. Изучение российского законодательства на предмет наличия запрета пропаганды войны позволяет установить, что такой запрет содержится в различных отраслях права, например в конституционном праве. Более того, в ст. 354 Уголовного кодекса Российской Федерации содержится состав публичных призывов к развязыванию агрессивной войны. *Вывод:* несмотря на наличие запрета на пропаганду войны в различных отраслях российского права, следует отметить несовершенство уголовно-правового запрета. Отечественный законодатель слишком узко сформулировал состав публичных призывов к развязыванию агрессивной войны, в связи с чем предложено авторское видение устранения данного недостатка посредством дополнительной криминализации пропаганды агрессии против государств.

Ключевые слова: агрессивная война; пропаганда войны; пропаганда агрессии; публичные призывы; развязывание агрессивной войны; уголовная ответственность; состав преступления.

5.1.4. Уголовно-правовые науки.

Для цитирования: Дзейтова Р. Б. Запрет пропаганды войны в международном и российском праве // Пенитенциарная наука. 2023. Т. 17, № 3 (63). С. 265–272. doi 10.46741/2686-9764.2023.63.3.004.

Original article

Prohibition of War Propaganda in International and Russian Law

RAZIYA B. DZEITOVAAnalytical Center of Criminal Law and Criminology, Moscow, Russia, razi.dzeitova@bk.ru, <https://orcid.org/0009-0002-7083-9955>

Abstract

Introduction: the article examines the content of the international prohibition of propaganda for war, the procedure for fixing the prohibition in Russian law, as well as the imperfection of criminal legislation, including liability for public calls to unleash a war of aggression. *Purpose:* to analyze history of the formation of the international prohibition of war propaganda and its content, compare it with the regulation of this prohibition in Russian law, especially in criminal legislation, and suggest

ways to improve the latter. *Methods*: historical and systematic methods, as well as comparative legal and formal legal methods, were used to solve the tasks. *Results*: the article shows the work of international conferences on the unification of criminal law, launched in the first half of the 20th century, and the activity of the League of Nations that adopted an important international document in the field of prohibition of propaganda for war in peacetime in 1936, namely, the International Convention Concerning the Use of Broadcasting in the Cause of Peace. After the establishment of the United Nations, the prohibition of war propaganda was finally fixed in the International Covenant on Civil and Political Rights of 1966, developed by the Human Rights Committee. The analysis of Russian legislation shows that such a prohibition is contained in various branches of law, for example, in constitutional law. Moreover, Article 354 of the Criminal Code contains crime elements of public calls for unleashing a war of aggression. *Conclusion*: despite this prohibition is present in various branches of Russian law, we have identified the imperfection of this criminal law ban. The domestic legislator has formulated crime elements of public calls for unleashing a war of aggression too narrowly; the author of the article suggests ways to eliminate this shortcoming through additional criminalization of propaganda for aggression against states.

Key words: a war of aggression; propaganda for war; propaganda for aggression; public calls; unleashing a war of aggression; criminal liability; crime elements.

5.1.4. Criminal law sciences.

For citation: Dzeitova R.B. Prohibition of war propaganda in international and Russian law. *Penitentiary Science*, 2023, vol. 17, no. 3 (63), pp. 265–272. doi10.46741/2686-9764.2023.63.3.004.

Введение

Запрет посягательств на международный мир и безопасность закреплен как в многочисленных документах, изданных органами Организации Объединенных Наций (ООН), так и во внутригосударственных нормативных актах. Согласно п. 2 ст. 15 Концепции внешней политики Российской Федерации, утвержденной 3 марта 2023 г., поддержание стратегической стабильности, а также укрепление международного мира и безопасности признаются национальными интересами. При этом международному миру может угрожать не только межгосударственная агрессия, но и пропаганда такой агрессии.

Общественная опасность пропаганды войны не подвергается сомнению. Арон Наумович Трайнин, советский специалист в области международного уголовного права, писал, что пропаганда войны является частью военно-технической подготовки и ее целью является убедить собственный народ в необходимости этой войны [1, с. 5, 7].

Во второй половине XX в. на международном уровне по итогам участия всего международного сообщества был установлен запрет на пропаганду агрессии. Возникает, однако, вопрос: можно ли считать такое регулирование достаточным и эффективным? С возникновением и развитием международного уголовного права и принятием Римского статута 1998 г. появилась возможность предусмотреть уголовную ответственность за пропаганду агрессии. Вместе с тем на сегодняшний день такое преступление в Римском статуте не получило отражения. В то же время национальные юрисдикции большинства государств устанавливают запрет пропаганды агрессии или войны в различных отраслях права, в том числе и уголовно-правовой.

Важно отметить, что для обозначения содержания исследуемого запрета используется неединообразная терминология. Так, в процессе разработки различных международных резолюций и договоров до принятия Устава ООН в 1945 г. для закрепления запрета на применение силы использовались термины «война» и «агрессия». Стоит отметить, что термин «война» содержался еще в Преамбуле Статута Лиги Наций. При этом определение данного терми-

на отсутствовало, а исходя из контекста документа можно было сделать вывод, что речь идет именно об агрессивной, а не оборонительной войне. Поэтому при упоминании данного термина в статье речь будет идти именно об агрессивной войне.

Устав ООН предусмотрел запрет на применение силы или угрозу такого применения, однако терминов «агрессия» или «война» не содержит. Принятая Генеральной Ассамблеей ООН Резолюция 3314 (XXIX) от 14.12.1974, которая стала еще одним документом, запретившим применение силы, дает определение понятия акта агрессии (под которым понимается применение вооруженной силы государством против суверенитета, территориальной неприкосновенности или политической независимости другого государства или каким-либо другим образом, не совместимым с Уставом ООН) и ее видов. Это свидетельствует о том, что международное сообщество приняло решение отказаться от термина «война» в пользу более широкого понятия «агрессия».

Однако, поскольку окончательно на международном уровне был установлен запрет пропаганды «войны», несмотря на то, что при определении термина «война», как будет отмечено далее, все равно используется понятие «акт агрессии», для описания истории становления данного запрета в статье будет использоваться соответствующая терминология.

Для запрета пропаганды агрессии и криминализации этих действий в российском законодательстве используются термины «война» и «агрессивная война», которые содержательно не отличаются. В российской правовой доктрине можно встретить термин не только «война», но и «агрессия». При этом необходимо понимать, что понятия «война» и «агрессия» не тождественны, хотя в правовой доктрине отсутствует единство мнений по данному вопросу.

Интересным представляется, однако, тот факт, что, например, в конституционном праве России используется выражение «пропаганда войны», в отличие от уголовного права, в котором предусмотрен состав публичных призывов к развязыванию агрессивной войны. Такое расхождение представляется интересным еще и потому, что советское уголовное

законодательство оперировало термином «пропаганда войны».

В связи с этим полагаем необходимым проанализировать становление международного запрета пропаганды войны и отечественное законодательство, которое запрещает пропаганду войны и предусматривает уголовную ответственность за публичные призывы к агрессивной войне.

Основная часть

Рассмотрим запрет пропаганды войны в международном праве.

Процесс установления запрета на пропаганду войны на международном уровне можно разделить на два периода: до и после 1945 г.

Необходимость запрещения пропаганды войны осознавалась международным сообществом уже с середины XIX в. В этот период начали действовать первые международные конференции и конгрессы, целью которых было сохранить мир, в связи с чем деятельность данных организаций была направлена преимущественно на установление правового запрета на обращение к агрессивным войнам. К вопросу о запрете пропаганды войны на международном уровне обратились только в XX в. На тот момент данной проблемой занимались как различные международные конференции и конгрессы, так и Лига Наций – первая международная организация, созданная в 1919 г. и поставившая перед собой цель развивать сотрудничество между народами и обеспечивать международный мир и безопасность.

Сразу на нескольких международных конференциях и конгрессах, проведенных в первой половине XX в., поднимался вопрос о необходимости установления уголовной ответственности за пропаганду войны и разработки проектов резолюций, которые бы предусматривали такую ответственность. Среди них были конференции по унификации уголовного законодательства (так называемые унификационные конференции), основной идеей которых было «включить в кодексы участвующих в них государств сходные, если не идентичные, определения таким образом, чтобы было возможно как можно проще предусмотреть сходные наказания и обеспечить эффективность международного преследования» [2, с. 63]. На Первой конференции по унификации уголовного законодательства, состоявшейся в г. Варшаве (Польша) в 1927 г., Станиславом Раппапортом, на тот момент судьей Верховного суда Польши, было предложено разработать проект уголовного закона, который включал бы «подстрекательство к агрессивной войне» в перечень преступлений против общего правопорядка всех наций (то есть преступлений *juris gentium*, среди которых было, например, пиратство). С. Раппапорт отмечал, что этот состав уже был включен в проект Уголовного кодекса Польши (п. «б» ст. 8 и ст. 108) [3, с. 60]. На следующей встрече унификационной конференции в 1930 г., проведенной в г. Брюсселе (Бельгия), была принята резолюция, которая провозгласила «пропаганду с целью публичного призыва к войне» [1, с. 18] наказуемой.

Что касается деятельности Лиги Наций в данном направлении, то 23 сентября 1936 г. была принята Международная конвенция об использовании радиовещания в интересах мира – первый многосторонний правовой акт, запретивший пропаганду в мирное время [4, с. 343].

Статья 2 возлагает на договаривающиеся стороны обязанность обеспечить, чтобы передачи станций, находящихся на их территориях, не являлись подстрекательством к войне против другой договаривающейся стороны или действиями, которые могут привести к ней [войне]. Требуется немедленно прекращать любые передачи, которые могут нанести ущерб хорошему международному взаимопониманию в результате сообщений, неправильность которых известна или должна быть известной лицам, ответственным за передачу. Вместе с тем конвенция не содержала мер, обеспечивающих исполнение возлагаемых на государства обязательств, ее целью было пресечение агрессии Италии и Германии, радиостанции которых внушали населению идею превосходства арийской расы, однако «своих благородных целей она не достигла» [5, с. 219].

В XX в. многие государства заключали двусторонние соглашения, запрещавшие пропаганду против друг друга. Так, 22 апреля 1926 г. между Персией и Турцией был заключен Договор дружбы и безопасности, в ст. 5 которого стороны договоривались не допускать присутствия отдельных лиц или организаций, которые распространяют пропаганду или пытаются иными средствами предпринять боевые действия против другой стороны (перевод наш. – *Р. Д.*).

После Второй мировой войны идеи запрета пропаганды войны приобрели более четкую форму. И хотя различные международные конференции и организации (например, Движение сторонников мира, первый созыв которого состоялся в 1946 г. и способствовал антивоенному движению во многих государствах) продолжали действовать, основная функция по разработке международных документов, которые содержали бы запрет пропаганды войны, была передана ООН.

Важным документом в данный период является Резолюция 110 (II) «Меры, которые должны быть приняты против пропаганды и поджигателей новой войны», принятая на 108 пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН в 1947 г. (далее – резолюция 110 (II)), в которой осуждается «любая форма, ведущаяся в любой стране, пропаганда, имеющая целью или способная создать или усилить угрозу миру, нарушение мира или акт агрессии» (п. 1) и содержится обращение ко всем членам ООН принять законы, устанавливающие уголовную ответственность за пропаганду (п. 2).

В отличие от резолюций, принятых по итогам унификационных конференций, понятие пропаганды толкуется более расширительно: если раньше устанавливался запрет на пропаганду с целью публичного призыва, то с 1947 г. предлагается установить ответственность за любую пропаганду, независимо от ее формы, единственной целью которой является угроза миру.

После принятия резолюции 110 (II) двум органам ООН было поручено разработать международный многосторонний акт, который содержал бы перечень всех прав и свобод: Экономическому и Социальному Совету ООН (основному органу ООН, который среди прочего занимался вынесением рекомендаций по вопросам уважения и соблюдения прав и основных свобод и их поощрением) и Комитету по правам человека (с 2006 г. заменен Советом по правам человека ООН), который был создан в 1946 г. с целью контроля за выполнением разрабатываемого международного доку-

мента. Таким актом стал Международный пакт о гражданских и политических правах, принятый резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16.12.1966 (далее – МПГПП), в котором и был закреплен запрет пропаганды войны. Статья 20(1) гласит: «всякая пропаганда войны должна быть запрещена законом».

Окончательный вариант данной статьи является результатом многолетней дискуссии международного сообщества.

Стоит отметить, что запрет пропаганды войны первоначально рассматривался только как ограничение права на свободу слова, печати и выражения мнения. Так, Комитетом по правам человека ООН на второй сессии 2 декабря 1947 г. рассматривался вопрос о необходимости включить положения о свободе выражения мнения и информации во Всеобщую декларацию прав человека, для чего Комитет по правам человека ООН запросил мнение Подкомиссии по свободе информации и печати и Международной конференции по свободе информации. При этом при разработке рекомендаций по данному вопросу Комиссия по правам человека на втором заседании, проходившем 2–17 декабря 1947 г., попросила учесть «две резолюции Генеральной Ассамблеи ООН по этому вопросу (резолюция 110 (II) и резолюция А/С.3/180/Rev.1 «Ложные и искаженные сообщения»)» (перевод и курсив наш. – Р. Д.).

К 1948 г. ряд вариантов, предлагаемых делегациями на третьем заседании Комитета по правам человека (24 мая – 18 июня 1948 г.), уже включал запрет пропаганды войны в статью, закрепляющую право на свободу слова, печати или свободу выражения мнения. Отличалась лишь формулировка самого запрета на пропаганду. Делегация от СССР, к примеру, предложила следующий вариант: «В соответствии с принципами демократии и в интересах укрепления международного сотрудничества и мира во всем мире, каждому человеку должно быть гарантировано законом право на свободное выражение своего мнения и, в частности, право на свободу слова и печати, свободу собраний и свободу художественного изображения. Использование свободы слова и свободы прессы для пропаганды фашизма и агрессии или разжигания войны между нациями не допускается» (перевод наш. – Р. Д.).

Франция предпочла не закреплять прямо запрет пропаганды войны, а предложила предусмотреть отдельным пунктом общую формулировку, ограничивающую право на свободу слова, выражения мнения и печати: «3. Свободы, указанные в предыдущих параграфах, могут стать предметом только таких ограничений, наказания или ответственности, которые предусмотрены законом для защиты общественного порядка, национальной безопасности, морали, уважения к закону и репутации или прав других людей» (перевод наш. – Р. Д.). Более предпочтительным для делегаций на тот момент оказался французский вариант.

Как отмечает Майкл Кирни, преподаватель права в Университете Суссекса, только на Шестой сессии Комиссии по правам человека, состоявшейся 28 апреля 1950 г., представитель от Великобритании предложил разграничить вопросы запрета пропаганды войны и положения, относящиеся к праву на свободу выражения мнения, закрепив их в разных статьях [6, с. 553].

Окончательный вариант ст. 20(1) МПГПП был одобрен делегациями в 1961 г. на 16 сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Факт принятия пакта после утверждения Устава ООН, но до Резолюции 1974 г. может объяснить применяемую терминологию: запрет на пропаганду войны, а не агрессии. Несмотря на то что проект был принят, некоторые государства – участники ООН не видели необходимости в закреплении запрета на пропаганду войны в МПГПП. Так, делегация от Эквадора, согласно резолюции А/С.3/SR.1084 от 26.10.1961, признавая общественную опасность военной пропаганды, тем не менее считала, что «причиной войн является не пропаганда, а конфликт интересов», да и военная пропаганда (или то, что признается таковой) осуществлялась самими государствами.

Группа скандинавских стран также проголосовала против окончательного варианта ст. 20(1) МПГПП, обосновав это противоречивыми формулировками и сложностями правоприменения: «то, что может быть признано в одной стране военной пропагандой, может быть одобрено и признано одним из средств позитивной политики в другой». На отсутствие определения пропаганды войны ссылались также делегация от Австралии. Помимо указанной выше причины, Австралия также отметила, что запрет пропаганды не относится именно к правам отдельных лиц, которые и должны закрепляться в МПГПП. Кроме того, запрет пропаганды «открыл дорогу для суровых ограничений на право свободы слова».

В итоге такие государства, как Австралия, Италия, Франция, Великобритания, США, а также скандинавские страны, проголосовали против проекта ст. 20(1) МПГПП. Тем не менее большинство государств были за и ст. 20(1) была закреплена в пакте в ее современном варианте.

В процессе разработки Международного пакта о гражданских и политических правах делегации не ставили вопрос об определении пропаганды. Как отмечается в комментарии к документу, понятие пропаганды в пакте не предусмотрено ввиду отсутствия какого-либо устоявшегося толкования данного термина в различных национальных правовых системах [7, с. 581].

Согласно Замечаниям общего порядка № 11 о статье 20, разработанным Комитетом по правам человека ООН с целью толкования МПГПП, под пропагандой войны следует понимать любые формы пропаганды, запугивающие или приводящие к совершению акта агрессии или к нарушению мира, противоречащему Уставу ООН [8]. Центр гражданских и политических прав, международная неправительственная организация, специализирующаяся на правах человека, в Руководстве по Международному пакту по гражданским и политическим правам дополняет, что любая пропаганда войны включает намеренное и целенаправленное оказание влияния на людей для создания или усиления желания пойти на войну, например, посредством распространения или преувеличения фактов [9, с. 37]. При этом положения ст. 20(1) МПГПП, как следует из Замечаний общего порядка № 11 о статье 20, не запрещают отставание суверенного права на самооборону или права народов на самоопределение и независимость в соответствии с Уставом ООН [8].

В зарубежной доктрине отмечается, что понятия «пропаганда» и «война» можно отнести к проблемным

с точки зрения их определения [10, с. 272]. По мнению А. Рихтера, профессора Центрально-Европейского университета Будапешта, «широта понятия не обязательно влечет за собой туманность», и Генеральная Ассамблея уже дала довольно четкое определение пропаганды войны в своей резолюции 110 (II) от 03.11.1947 [11, с. 113].

Таким образом, наряду с констатацией необходимости запретить обращение к силе для решения международных споров международное сообщество также признало общественную опасность пропаганды войны, которая непременно сопровождает любую войну. Унификационные конференции и Лига Наций подготовили почву для дальнейшей работы Комитета по правам человека ООН, который принял МПГПП и предусмотрел в ст. 20(1) запрет на пропаганду войны.

Проанализируем запрет пропаганды войны в российском праве.

Конституция Российской Федерации включает норму об одном из фундаментальных прав человека, а именно свободе мысли и слова. Согласно ст. 29 Основного закона каждому гарантируется свобода мысли и слова, но в то же время предусмотрено ограничение данного права, не допускающее пропаганду или агитацию, возбуждающие социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду, а также пропаганду социального, расового, национального, религиозного или языкового превосходства.

Несмотря на то что в самой Конституции отсутствует запрет на пропаганду войны, он содержится в других нормативных правовых актах Российской Федерации. Так, например, Федеральный конституционный закон от 28.06.2004 № 5-ФКЗ «О референдуме Российской Федерации» допускает проведение агитации по вопросам референдума (ст. 60), но запрещает злоупотребление свободой массовой информации (ст. 68). Уточняя данное положение, закон предусматривает, что агитационные материалы инициативной группы по проведению референдума, инициативных агитационных групп и выступления членов указанных инициативных групп на собраниях, митингах, в средствах массовой информации не должны быть направлены на пропаганду войны. Аналогичный запрет содержится в других нормативных актах, например в ст. 31 Основ законодательства о культуре от 09.10.1992 № 3612-1 («органы государственной власти и управления, органы местного самоуправления не вмешиваются в творческую деятельность граждан и их объединений, государственных и негосударственных организаций культуры, за исключением случаев, когда такая деятельность ведет к пропаганде войны») или ч. 6 ст. 10 Федерального закона от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» («запрещается распространение информации, которая направлена на пропаганду войны»).

В отличие от приведенных законов, в УК РФ криминализована не пропаганда войны, а публичные призывы к развязыванию агрессивной войны. Стоит отметить, что такое регулирование является отступлением от советской традиции.

Советская делегация, принимавшая активное участие в разработке МПГПП, законом РСФСР 1962 г. ввела в Уголовный кодекс РСФСР 1960 г. состав пропаганды войны. Интересно, что еще до принятия

пакта Верховный Совет СССР принял Закон СССР от 12.03.1951 «О защите мира», в котором признал пропаганду войны тягчайшим преступлением против человечества, поскольку она подрывает дело мира и создает угрозу новой войны.

Согласно ст. 71 УК РСФСР 1960 г. пропаганда войны, в какой бы форме она ни велась, наказывалась лишением свободы на срок от трех до восьми лет. Понятие пропаганды войны раскрывалось в советской доктрине, под ней понималось распространение взглядов и идей о необходимости развязывания войны: 1) против СССР и других социалистических стран; 2) между этими странами; 3) войны социалистических стран против других стран – империалистических либо стран третьего мира, а также 4) войны между империалистическими государствами или странами третьего мира [12, с. 159]. Учитывая, что УК РСФСР 1960 г. не ограничивал формы распространения пропаганды, основной акцент предлагалось делать на ее содержании: независимо от формы распространения, «если по своему содержанию взгляды, идеи направлены на развитие новой войны, а следовательно, против мирного сосуществования государств», они образуют объективную сторону преступления – пропаганды войны [13, с. 192].

Таким образом, советское уголовное законодательство криминализовало широкий круг действий, охватываемых понятием «пропаганда войны».

Вместе с тем действующий УК РФ содержит лишь состав публичных призывов к агрессивной войне, наказываемых штрафом или лишением свободы (ч. 1 ст. 354) и дополнительно лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью за те же действия, совершенные с использованием средств массовой информации либо лицом, занимающим государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации (ч. 2 ст. 354).

Родовым объектом публичных призывов к развязыванию агрессивной войны являются мир и безопасность человечества, в то время как непосредственным объектом выступают мир и мирное сосуществование государства.

Объективная сторона состава ч. 1 ст. 354 УК РФ заключается в публичных призывах к развязыванию агрессивной войны.

Содержание понятия «призыв» в уголовном законе не раскрывается. Большинство российских правоведов утверждают, что призыв – это определенные высказывания [14, с. 54] или обращения [15, с. 599]. Существует также позиция, согласно которой призывами могут быть только воззвания и лозунги, то есть обращения к иным лицам в повелительной форме, исключая тем самым обращения, которые показывают желательность действия [16, с. 92]. Как справедливо отмечает В. В. Каболов, призывы по своей содержательной и функциональной пластике неоднозначны и «могут варьироваться от переполненного пафосом приглашения сограждан выражать свое идеологическое согласие и единение с кем-либо до категорического, бескомпромиссного и потому угрожающего требования неукоснительно следовать достижению конкретной цели» [17, с. 118]. И поскольку «призыв к любой агрессии лишен сентиментальных

оттенков», призыв в ст. 354 УК РФ можно отнести ко второй предлагаемой категории [17, с. 118].

Обязательным признаком рассматриваемого состава (как ч. 1, так и ч. 2 ст. 354 УК РФ) является публичность. При этом в статье данное понятие не раскрывается. Вследствие отсутствия практики по данному составу суды также не разъяснили значение данного термина. Однако содержание термина «публичность» было разработано для других составов, предусмотренных в УК РФ.

Так, в 2020 г. были приняты ст. 207.1 и 207.2 УК РФ, которые предусматривают ответственность за публичное распространение под видом достоверных сообщений заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан, и (или) о принимаемых мерах по обеспечению безопасности населения и территорий, приемах и способах защиты от указанных обстоятельств (ст. 207.1 УК РФ) и публичное распространение под видом достоверных сообщений заведомо ложной общественно значимой информации, повлекшее по неосторожности причинение вреда здоровью человека, смерть человека или иные тяжкие последствия (ст. 207.2). Президиум Верховного Суда Российской Федерации в своем обзоре по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19), признал публичным такое распространение ложной информации об обстоятельствах, предусмотренных в ст. 207.1 и 207.2 УК РФ, когда данная информация «адресована группе или неограниченному кругу лиц и выражена в любой доступной для них форме (например, в устной, письменной, с использованием технических средств)». Кроме того, для установления признака публичности следует учитывать место, способ, обстановку и другие обстоятельства распространения информации. Также президиум приводит перечень способов, которые могут свидетельствовать о выполнении признака публичности: распространение информации посредством использования средств массовой информации, информационно-телекоммуникационных сетей (в том числе различных мессенджеров); в массовой рассылке электронных сообщений абонентам мобильной связи; путем выступления на собрании, митинге, распространения листовок, вывешивания плакатов и т. п. Аналогичное разъяснение о содержании термина «публичность» было представлено и Пленумом Верховного Суда Российской Федерации. Так, в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 01.06.2023 № 14 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных статьями 317, 318, 319 Уголовного кодекса Российской Федерации» указывается, что вопрос публичности оскорбительных действий в отношении представителя власти при исполнении им своих должностных обязанностей или в связи с их исполнением должен разрешаться «с учетом места, способа, обстановки и других обстоятельств дела (например, высказывание или иное выражение оскорбления в присутствии потерпевшего и(или) других людей, в том числе в обще-

ственных местах, в ходе проведения массовых мероприятий, размещение оскорбительных сведений в средствах массовой информации, в сети “Интернет” на сайтах, форумах или в блогах, открытых для широкого круга лиц, массовая рассылка электронных сообщений)» (п. 18).

Таким образом, публичность устанавливается, если противоправные действия осуществляются в присутствии двух или более лиц (при этом аудитория может быть как персонифицированной, так и неперсонифицированной [18, с. 822], а также определяется местом (митинги или собрания) или способом (устно, письменно, в сети Интернет) совершения призывов.

Большей общественной опасностью, по мнению российского законодателя, обладают публичные призывы к развязыванию агрессивной войны, совершенные с использованием средств массовой информации либо лицом, занимающим государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации. Поскольку к средствам массовой информации, согласно Закону Российской Федерации от 27.12.1991 № 2124-1 «О средствах массовой информации», относятся периодическое печатное издание, сетевое издание, телеканал, радиоканал, теле-, радио-, видео- или кинохроникальная программа, а также иная форма периодического распространения массовой информации под постоянным наименованием или названием (ст. 2), у лица, осуществляющего призывы к агрессивной войне таким способом, появляется возможность донести свои идеи до большого количества людей, чем и обусловлена повышенная общественная опасность.

Субъект ч. 1 ст. 354 УК РФ общий, то есть любое физическое лицо, достигшее шестнадцати лет и обладающее вменяемостью, может быть привлечено к уголовной ответственности за публичные призывы к агрессивной войне. Что касается лиц, занимающих государственные должности, то следует отметить следующее. Если публичные призывы к развязыванию агрессивной войны осуществляются лицом, которое занимает государственную должность, оно может оказывать дополнительное влияние на лиц при осуществлении призывов ввиду его исключительных полномочий, «которые он использует в ущерб прежде всего мировому сообществу и, естественно, собственному народу» [17, с. 121].

Действия, предусмотренные в ч. 1 и 2 ст. 354 УК РФ, по единогласному мнению российских правоведов, должны совершаться с прямым умыслом, то есть субъект должен осознавать, что занимается призывами к агрессивной войне, их общественную опасность, а также желать совершить эти действия [19, с. 620].

Среди российских правоведов не сложилось единого мнения по вопросу о соотношении понятий «публичные призывы» и «пропаганда». Н. Лопашенко приравнивает данные понятия [20, с. 642], в то время как, например, Д. Лобач справедливо считает, что на современном этапе все чаще осуществляются скрытые формы психологического воздействия на сознание человека, а не только прямые обращения, которые охватываются публичными призывами [21, с. 128].

На наш взгляд, пропаганда отличается от публичных призывов тем, что может осуществляться не

только публично. Причем скрытые формы воздействия на сознание людей более эффективны в достижении одной из целей пропаганды – навязывании выгодных пропагандисту убеждений и взглядов. Кроме того, пропаганда представляет собой деятельность [22, с. 88], формирующую представление о допустимости и возможности осуществления действий, необходимость которых обосновывается пропагандой [23, с. 83], в отличие от публичных призывов, которые могут быть выражены и в однократном действии и заключать в себе побуждение к определенным действиям, то есть выражаться в повелительной форме.

Кроме того, несмотря на то что в ст. 20(1) МПГПП и в российских нормативных правовых актах используется термин «пропаганда войны», на наш взгляд, в ст. 354 УК РФ следует криминализировать публичные призывы к агрессии против другого государства, а не войне или агрессивной войне. Как уже подчеркивалось, Замечание общего порядка № 11 о ст. 20 определяет термин «война» через понятие акта агрессии. В российском законодательстве определение понятия «война» отсутствует. В Военной доктрине Российской Федерации, утвержденной указом Президента Российской Федерации от 25.12.2014 № Пр-2976, приводятся определения трех видов войны – локальной, региональной и крупномасштабной (подп. «е», «ж» и «з» п. 8), при этом определение самой войны отсутствует. А понятие «агрессивная война» применительно к ст. 354 УК РФ не имеет правового значения, поскольку никто из призывающих не указывает в своей речи на то, что она будет агрессивной, а само слово «развязывание» имеет ввиду совершение определенных действий (бездействия) с целью начала чего-либо, то есть война начнется после данного призыва и поэтому не будет оборонительной [17, с. 120].

В связи с вышеизложенным необходимо, на наш

взгляд, изменить применяемую в ст. 354 УК РФ терминологию и установить уголовную ответственность не только за публичные призывы к агрессии, но и за пропаганду агрессии против государства или группы государств. Интересно, что, по мнению некоторых советских ученых, пропаганда войны могла охватывать и такие призывы, которые были направлены на развязывание новой войны вообще, а не только против конкретного государства или группы государств [24, с. 192]. Другие же утверждали, что призывы к войне против конкретного государства являются не пропагандой, а подстрекательством, а значит, одной из форм соучастия в преступлении, в то время как пропаганда включала только призывы, направленные на развязывание новой войны вообще [24, с. 192].

Правильной, на наш взгляд, является точка зрения группы правоведов, понимавших под пропагандой войны распространение идей и взглядов, имеющих своей целью вызвать агрессию одной страны или группы стран против другой страны или группы стран [24, с. 154]. Данный подход также нашел поддержку в отечественной доктрине [14, с. 54].

Заключение

Таким образом, при активном участии всего международного сообщества пропаганда войны получила справедливую правовую оценку в качестве общественно опасной и угрожающей миру и стабильности в мире, вследствие чего была прямо запрещена МПГПП.

Действующее уголовное законодательство России устанавливает уголовную ответственность только за публичные призывы к развязыванию агрессивной войны. Однако, учитывая положения ст. 20(1) МПГПП, а также общественную опасность пропаганды агрессии, в УК РФ следует предусмотреть ответственность за пропаганду агрессии, как и за публичные призывы к агрессии.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Трайнин А. Уголовная ответственность за пропаганду агрессии. М., 1947. 40 с.
2. Змеевский А. В. Проблемы борьбы с терроризмом на международных конференциях по унификации уголовного законодательства (1927–1933 гг.) // Московский журнал международного права. 1993. № 4. С. 63–88.
3. Rappaport S. The Problem of the Inter-State Criminal Law // Transactions of the Grotius Society. 1923. Vol. 18. Pp. 41–64.
4. Downey E. A Historical Survey of the International Regulation of Propaganda // Michigan Journal of International Law. 1984. Vol. 5. Pp. 341–360.
5. Третьякова О. Запрет пропаганды в СМИ: международные и российские правовые нормы // Социальные и гуманитарные знания. 2020. № 4. С. 212–228.
6. Kearney M. The prohibition of propaganda for war in the International Covenant on civil and political rights // Netherlands Quarterly of Human Rights. 2005. Vol. 23/4. Pp. 551–570.
7. Taylor P. A commentary on the International Covenant on Civil and Political Rights. The UN Human Rights Committee's Monitoring of ICCRP Rights. Cambridge, 2020. 944 p.
8. UN Human Rights Committee General Comment No. 11 «Prohibition of propaganda for war and inciting national, racial or religious hatred (Art. 20)». 29 July 1983. URL: <https://www.ohchr.org/sites/default/files/Documents/Issues/Opinion/CCPRGeneralCommentNo11.pdf> (дата обращения: 17.09.2022).
9. Center for Civil and Political Rights. Simple Guide on The International Covenant on Civil and Political Rights (ICCRP). An overview of the Articles 1–27. URL: https://ccprcentre.org/files/media/Simple_guide_on_The_International_Covenant.pdf (дата обращения: 17.09.2022).
10. McGonagle T. Minority Rights, Freedom of Expression and of the Media: Dynamics and Dilemmas. Cambridge, 2011. 688 p.
11. Рихтер А. Г. Запрет пропаганды войны в международном праве // Современные СМИ и медиарынок : сб. науч. тр. в честь проф. Е. Е. Корниловой / под ред. А. Д. Кривоносова. СПб., 2019. С. 108–115.
12. Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР / под ред. Ю. Д. Северина. М., 1984. 528 с.
13. Курс советского уголовного права. Особенная часть. Т. III / под ред. Н. А. Беляева, М. Д. Шаргородского. Л., 1973. 459 с.
14. Энциклопедия уголовного права : в 35 т. СПб., 2019. Т. 31. 423 с.
15. Уголовное право России. Особенная часть : учеб. / под ред. Г. А. Есакова. М., 2021. 608 с.
16. Рябчук В. Н. Уголовная ответственность за публичные призывы к насильственным действиям против советского государственного и общественного строя // Правоведение. 1991. № 2. С. 89–95.

17. Каболов В. В. Преступления против мира и безопасности человечества : дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2002. 202 с.
18. Уголовное право. Особенная часть : учеб. для вузов / под общ. ред. Л. М. Прокументова. Томск, 2019. 843 с.
19. Уголовное право России. Особенная часть : в 2 т. / под ред. О. С. Капинус. М., 2015. Т. 2. 639 с.
20. Российское уголовное право. Общая и Особенная части : учеб. : в 3 т. / [под ред. Н. А. Лопашенко]. М., 2014. Т. 3. 576 с.
21. Лобач Д. В. Преступления против мира: уголовно-правовое исследование : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2013. 261 с.
22. Кунашев А. Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганда терроризма: уголовно-правовой анализ и вопросы квалификации // Уголовное право. 2018. № 6. С. 81–89.
23. Москалев Г. Л. Пропаганда терроризма (ст. 205.2 УК РФ) // Национальная безопасность. 2018. № 6. С. 79–87.
24. Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР 1960 (по сост. на 1 июля 1962 г.) / под ред. Г. П. Тихоновой, А. А. Большакова. Л., 1962. 472 с.

REFERENCES

1. Trainin A. *Ugolovnaya otvetstvennost' za propagandu agressii* [Criminal liability for propaganda of aggression]. Moscow, 1947. 40 p.
2. Zmeevskii A.V. Problems of combating terrorism at international conferences on the unification of criminal legislation (1927–1933). *Moskovskii zhurnal mezhdunarodnogo prava = Moscow Journal of International Law*, 1993, no. 4, pp. 63–88. (In Russ.).
3. Rappaport S. The problem of the inter-state criminal law. *Transactions of the Grotius Society*, 1923, vol. 18, pp. 41–64. (In Russ.).
4. Downey E.A. Historical survey of the international regulation of propaganda. *Michigan Journal of International Law*, 1984, vol. 5, pp. 341–360.
5. Tret'yakova O. Prohibition of propaganda for war in the media: international and Russian legal norms. *Sotsial'nye i gumanitarnye znaniya = Social and Humanitarian Knowledge*, 2020, no. 4, pp. 212–228. (In Russ.).
6. Kearney M. The prohibition of propaganda for war in the International Covenant on civil and political rights. *Netherlands Quarterly of Human Rights*, 2005, vol. 23/4, pp. 551–570. DOI: <https://doi.org/10.1177/01693441050230040>.
7. Taylor P. A commentary on the International Covenant on Civil and Political Rights. *The UN Human Rights Committee's Monitoring of ICCRP Rights*. Cambridge, 2020. 944 p.
8. *UN Human Rights Committee General Comment No. 11 "Prohibition of propaganda for war and inciting national, racial or religious hatred (Art. 20)".* 29 July 1983. Available at: <https://www.ohchr.org/sites/default/files/Documents/Issues/Opinion/CCPRGeneralCommentNo11.pdf> (accessed September 17, 2022).
9. *Center for Civil and Political Rights. Simple guide on the International Covenant on Civil and Political Rights (ICCPR). An overview of the Articles 1–27.* Available at: https://ccprcentre.org/files/media/Simple_guide_on_The_International_Covenantant.pdf (accessed September 17, 2022).
10. McGonagle T. *Minority rights, freedom of expression and of the media: dynamics and dilemmas. School of Human Rights Research Series*. Cambridge, 2011. 688 p.
11. Rikhter A.G. Prohibition of propaganda of war in international law. In: Krivonosov A.D. (Ed.). *Sovremennye SMI i Mediarynok: sb. nauch. tr. v chest' prof. E.E. Kornilovoi* [Modern mass media and media market: collection of scientific papers in honor of Professor E.E. Kornilova]. Saint Petersburg, 2019. Pp. 108–115. (In Russ.).
12. *Kommentarii k Ugolovnomu kodeksu RSFSR* [Commentary on the Criminal Code of the RSFSR]. Ed. by Severin Yu.D. Moscow, 1984. 528 p.
13. *Kurs sovetskogo ugolovnogo prava. Osobennaya chast'. Tom 3* [The course of Soviet criminal law. Special part. Volume 3]. Ed. by Belyaev N.A., Shargorodskii M.D. Leningrad, 1973. 459 p.
14. *Entsiklopediya ugolovnogo prava. T. 31* [The course of Soviet criminal law. Special part. Volume III]. Saint Petersburg, 2019. 423 p.
15. *Ugolovnoe pravo Rossii. Osobennaya chast': ucheb.* [Criminal law of Russia. Special part: textbook]. Ed. by Esakov G.A. Moscow, 2021. 608 p.
16. Ryabchuk V.N. Criminal liability for public calls for violent actions against the Soviet state and social system. *Pravovedenie = Jurisprudence*, 1991, no. 2, pp. 89–95. (In Russ.).
17. Kabolov V.V. Преступления против мира и безопасности человечества: дис. ... канд. юрид. наук [Crimes against the peace and security of mankind: Candidate of Sciences (Law) dissertation]. Rostov-on-Don, 2002. 202 p.
18. *Ugolovnoe pravo. Osobennaya chast': ucheb. dlya vuzov* [Criminal law. Special Part: textbook for universities]. Ed. by Prozumentov L.M. Tomsk, 2019. 843 p.
19. *Ugolovnoe pravo Rossii. Osobennaya chast'. Tom 2* [Criminal law of Russia. Special part. Volume 2]. Ed. by Kapinus O.S. Moscow, 2015. 639 p.
20. Lopashenko N.A. *Rossiiskoe ugolovnoe pravo. Obshchaya i Osobennaya chasti: uchebnik. T. 3. Osobennaya chast'* [Russian criminal law. General and special parts: textbook. Vol. 3. Special part]. Ed. by Lopashenko N.A. Moscow, 2014. 576 p.
21. Lobach D.V. *Prestupleniya protiv mira: ugolovno-pravovoe issledovanie: dis. ... kand. yurid. nauk* [Crimes against peace: criminal law research: Candidate of Sciences (Law) dissertation]. Saratov, 2013. 261 p.
22. Kunashev A. Public call to terrorist activities, public justification of terrorism or propaganda of terrorism: criminal law analysis and issues of classification. *Ugolovnoe pravo = Criminal Law*, 2018, no. 6, pp. 81–89. (In Russ.).
23. Moskaev G.L. Propaganda of terrorism (Article 205.2 of the Criminal Code of the Russian Federation). *Natsional'naya bezopasnost' = National Security*, 2018, no. 6, pp. 79–87. (In Russ.).
24. *Kommentarii k Ugolovnomu kodeksu RSFSR 1960 (po sost. na 1 iyulya 1962 g.)* [Commentary to the 1960 Criminal Code of the RSFSR (as of July 1, 1962)]. Ed. by Tikhonova G.P., Bol'shakov A.A. Leningrad, 1962. 472 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

РАЗИЯ БАШИРОВА ДЗЕЙТОВА – юрист Аналитического центра уголовного права и криминологии, Москва, Россия, razi.dzeitova@bk.ru, <https://orcid.org/0009-0002-7083-9955>

RAZIYA B. DZEITOVA – Lawyer at the Analytical Center of Criminal Law and Criminology, Moscow, Russia, razi.dzeitova@bk.ru, <https://orcid.org/0009-0002-7083-9955>

Статья поступила 14.06.2023